

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. 22

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ
Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1980

Е. И. Кычанов

ТАНГУТСКИЙ СВОД ЗАКОНОВ XII в. ОБ ИНОПЛЕМЕННОКАХ И ИНОЗЕМЦАХ

«Измененный и заново утвержденный свод законов [девиза царствования] Небесное процветание» (1149—1169) — возможно, один из самых интересных памятников светской части тангутской коллекции ЛО ИВАН СССР из мертвого города Хара-Хото. Его обнаружение в Эдзина-Хара-Хото, в застенном субургане одного из городов северной окраины тангутского государства, в месте, согласно данным «Свода законов» официально служившем для ссылки каторжан; не представляется удивительным. Ни одно административное учреждение тангутов не обходилось без «Свода законов» и дополнений к нему, ибо любое управление Великого Ся (982—1227) было и судом, где решались тяжбы и дела обвиняемых, находившихся в подчинении или ведении данного учреждения. Теперь уже очевидно, что в субурган при угрозе нашествия орд Чингисхана с севера были где-то в конце 1225—начале 1226 г. упрятаны не только книги местного буддийского храма, но и часть бумаг местной администрации, в том числе и книги законов, ибо, только руководствуясь такими книгами, тангутский чиновник мог судить или миловать всех обоснованно или необоснованно попавших в поле зрения правосудия.

«Измененный и заново утвержденный свод законов» был вершиной правотворчества юристов Ся. К середине XII в., как минимум где-то около ста лет назад, утратило силу, вернее, монополию в решении тяжб обычное право. С середины XI до середины XII в. были созданы какие-то, до сих пор нам неизвестные своды законов. Лишь от одного из них, «Яшмового зеркала управления [девиза царствования] Чжэнь-гуань» (1101—1113), в той же коллекции П. К. Козлова до нас дошли фрагменты [1, с. 229—243]. Это был специфический свод законов военного права, который в основных своих частях, очевидно, не утратил силы и после введения «Измененного и заново утвержденного свода законов». Но «Яшмовым зеркалом», безусловно, не исчерпывалось законодательство Великого Ся до середины XII в. Само название — «Измененный и заново утвержденный свод законов» — свидетельствует о том, что тангутам было что «изменять» и «заново утверждать». Словосочетание, традиционно переводимое на русский язык начиная с Н. А. Невского как «измененный», по-тангутски буквально означает «изменить старое». К сожалению,

как мы только что говорили, об этом «старом» приходится пока догадываться, да и мало шансов на то, что оно станет когда-либо нам известным, если, конечно, не будет открыто новых памятников древности с упрятанными в них рукописями.

В середине XII в. над составлением нового свода законов Ся работала комиссия из 23 человек. Ее члены перечислены в предисловии к «Своду» со всеми своими должностями, титулами и рангами. Среди них 7 человек принадлежали к правящему у тангутов роду Нгвемей (Вэймин). В числе членов комиссии было 17 тангутов и 6 китайцев. Несколько тангутов и китайцев, членов комиссии, занимали официальные должности переводчиков с китайского языка и имели ученые степени магистров китайской словесности. Несомненно, что эти лица использовались для перевода с китайского на тангутский язык китайских сводов законов, танского «Тан люй шу и» и сунского «Сун син тун», служивших образцовыми кодексами для тангутских юристов.

«Измененный и заново утвержденный свод законов» состоял из краткого предисловия, 20 глав, в которых содержалось 1460 статей, и составленного по главам указателя к ним. Сохранился он не полностью, но в двух изданных ксилографическим способом книгах разного формата, правда отпечатанных с одних и тех же досок. Общая сохранность текста составляет примерно 70—75%, из 20 глав полностью не дошла до нас лишь глава 16.

Как известно, Великое Ся, в нашем, современном понимании, было «многонациональным» государством. В данной статье нас будет интересовать, во-первых, как раз то, как в тангутском своде законов юридически отражено положение прочих народностей, проживавших в Ся, кроме господствовавшей народности ми-тангутов, и, во-вторых, то, как отразились в законах правовые моменты взаимоотношений государства Ся с соседями.

В Ся были компактные группы иноплеменного населения, прежде всего уйгуров в западных областях Шачжоу и Гуачжоу и тибетцев на юге страны, в районе Куку-Нора. Китайцы, по-видимому, жили преимущественно в восточных районах тангутского государства, главным образом в городах, занимаясь ремеслами, торговлей, земледелием в пригородах и составляя заметный по влиянию элемент в государственном аппарате тангутов.

Уйгуры, жившие вдоль западных границ, даже не рассматривались в качестве лиц, целиком подчиненных властям Ся. В частности, это видно из того, что они не были подсудны тангутским законам, а при совершении ими преступлений по каждому случаю требовалось особое решение вышестоящих властей: «Если в числе таковых [преступников-иноплеменников], — говорится в „Своде законов“ Ся, — окажутся уйгуры, перешедшие [нашу] западную границу и живущие вдоль границы в ее внутренних пределах, которые хотя и считаются подведомственными нам, но о которых говорят, что [они] не являются как подчинившимися, так и непокорными, то [о таких уйгурах, совершивших преступление], следует своевре-

менно доносить в вышестоящие инстанции и поступать в соответствии с полученными указаниями» [4, XX, инв. № 202, с. 36].

Компактность проживания в Ся тибетцев подтверждается другими тангутскими источниками. Как раз в годы Небесного процветания в тангутском государстве имел место мятеж тибетцев, во время которого только одна из групп восставших, укрывшихся в лесу, состояла из 145 семей, насчитывавших 2790 человек [6, инв. № 4189, с. 20]. В этом же тексте упоминаются тангутские (ми) и тибетские «хозяева». «Хозяевами» в Ся именовались земледельцы и скотоводы. В перечне 54 буддийских общин, встречающемся в главе XV «Новых законов года свиньи», собрании дополнений к «Измененному и заново утвержденному своду законов», введенном в силу 26 апреля 1212 г. [3, с. 93—98], упоминаются отдельно тибетские буддийские общины, а также и смешанные тангутско-китайские общины [5, XV, инв. № 748, с. 24].

Тангутское законодательство не предусматривало правового неравенства иноплеменников по сравнению с тангутами. Мера ответственности разных лиц за одно и то же преступление зависела от их социального положения (лично-свободный, лично-несвободный, начальник или подчиненный, имеющий ранг или не имеющий ранга) и от места данного лица в системе родственных отношений (старший или младший родственник), но не от племенной принадлежности виновного. Более того, в исключительных случаях установленное законом право на смягчение наказания или на освобождение от наказания имели и чужеземцы, например вражеские полководцы, которые сдались добровольно тангутам вместе со своей армией, и так называемые «гости». «Гостями» считались «сыновья и внуки вавов (князей) и сановников других государств, потомки тех, чьи собственные государства подчинились или исчезли» [4, II, инв. № 153, с. 16—46]. О некоторых других льготах для добровольно подчинившихся тангутам лиц будет сказано ниже.

Положение чиновников-иноплеменников в государстве Ся определялось прежде всего должностью, а не племенной принадлежностью. «Когда должностные лица — тангут, китаец, тибетец, уйгур — служат вместе, то в том случае, когда [они] занимают неодинаковые должности и исполняют разные поручения, они должны сидеть в соответствии с установленными правилами, в зависимости от занимаемого ими самими лично высокого или низкого положения». Первенство господствующей тангутской народности законодательно утверждалось только при должностном равенстве сторон. В тех случаях, когда принадлежавшие к разным народностям чиновники, тангут и нетангут, «занимают равные должности, то независимо от величины рангов [этих должностных лиц] тангут должен считаться старшим. Если закон будет нарушен, то с имеющего ранг штраф одна лошадь, простому человеку — тринадцать палок». Тангут, отказавшийся соблюдать установленный законом порядок, штрафовался на пять связок (5000) монет [4, X, инв. № 4054, с. 44а—45а].

Равно в соответствии с законом наставниками буддийских общин могли быть одинаково тангуты, китайцы или тибетцы, если они

обладали установленным уровнем знаний канона и знали языки, в том числе обязательно тибетский [4, XI, инв. № 178, с. 326—33а]. Чиновникам по делам буддийской религии в Главном императорском секретариате по управлению гражданскими делами (Шуми) также одинаково могли быть тангуты, китайцы или тибетцы: «Если в числе тангутских, китайских или тибетских юношей есть такие, которые хорошо знают и могут читать сутры и гаты, то те из них, для которых определен устав поведения, по одному или по двое могут быть назначены на должности старших начальников и передающих приказы [чэнчжи] в Главном императорском секретариате по управлению гражданскими делами» [4, XI, инв. № 178, с. 346—35а].

Единственным исключением являлся запрет иноплеменникам служить в охране, несущей караульную службу непосредственно в том месте, где находился тангутский государь: «Не должны использоваться для охраны внутренних дворцовых покоев и местопребывания государя в большом числе пхинга¹, а также отобранные в вышеуказанных случаях для несения охранной службы люди из покорившихся нам китайцев, шаньгхо (см. [2, с. 157—158], возможно шарайголы. — *Е. К.*), тибетцев и уйгуров. Вместо этих [людей] сторожевую службу должна нести охрана внутренних дворцовых покоев, а те из людей, которые отобраны [из числа иноплеменников] для несения караульной службы, должны находиться там и охранять те места, которые не являются местопребыванием государя, а также охранять дальние дворцовые склады и прочие места, в которых им позволено находиться» [4, XII, инв. № 114, с. 18а—19б].

От охраны особы государя, как нигде, требовалась приверженность охраняющих правящему дому и лично императору. Это в общем-то естественное требование закона отражало тем не менее известное недоверие, которое все-таки испытывали тангуты к служившим в их армии иноплеменникам, или отражало хотя бы то трезвое понимание действительности, в которой любой нетангут потенциально мог быстрее стать врагом правящей династии, чем соплеменники государя. Правда, из текста статьи не очень ясно, распространялось ли данное положение на всех иноплеменников вообще, в том числе и из поколения в поколение проживавших в Ся, или же только на тех, кто сравнительно недавно покорился тангутам. Возможно, такая дифференциация тоже могла существовать.

Как же отразились в «Своде законов» юридические моменты взаимоотношений населения тангутского государства с соседями?

Ся, особенно на востоке и юге, имело постоянно охраняемую границу с нейтральной полосой и режимом, во многом похожим на современные порядки на границах между государствами. Охрану границ несла тангутская караульная служба. Там, где граница была точно демаркирована, местное население — земледельцы и скотоводы-кочевники — обязано было селиться и передвигаться только в строго отведенных для этого местах. Самовольный переход границы

---

¹ В тангутском государстве одна из **категорий** лично-несвободных людей.

был строжайше запрещен. За этим следили караульные-пограничники, и за каждый случай перехода границы несли личную ответственность начальники караулов [4, IV, инв. № 157, с. 266]. Однако не все участки пограничной территории были строго разграничены, особенно в пустынных, полупустынных и горных районах: «На дальних границах с другими государствами, где строгого разграничения территорий не имеется и [наше государство] полагается на мирные отношения, установленные с тибетцами, уйгурами, татарами и чжурчжэнями, наши дальние и ближние караулы в тех случаях, когда к [нашей] внутренней стороне границы подойдут кочующие семьи, передвигающиеся совместно в поисках воды и травы для прокормления скота, или же охотники, должны возвращать [таковых] обратно или задерживать и не позволять [им] проникать в [наши] внутренние пределы» [4, IV, инв. № 157, с. 28а—28б]. Таким образом, тангутские пограничники были обязаны не пускать на территорию Ся соседей.

Перебежчиков принимали только в тех случаях, если они изъявляли желание жить и работать в государстве тангутов: «В том случае, когда какие-то чужеземцы явятся и действительно подчинятся [нам], то там, где [они] добровольно изъявили [свою] покорность, [они] могут быть включены в число солдат пограничных войск, войск внутренних районов страны или же в число служащих вспомогательных войск [этих] армий. Если среди таковых окажутся лица, которые в чужеземных пределах занимали важные посты, или те, кто, явившись и подчинившись [нам], привели с собой большое число семей, а также доставили нам достоверные секретные сведения, то по определении характера заслуг [таких] людей следует своевременно доложить о том, какой ранг, какую награду или какую должность может получить [данное лицо], кем [оно] может стать в соответствии со своей категорией, и поступать в соответствии с полученными указаниями» [4, VII, инв. № 161, с. 16]. Присвоение имущества беглых чужеземцев, подчинившихся Ся, сокрытие их самих и использование в принудительном порядке в качестве работников, а также продажа беглых другим лицам рассматривались как ограбление и наказывались соответственно в зависимости от суммы присвоенного дохода [4, VII, инв. № 161, с. 2а].

Тангут, взявший в плен чужеземца в бою, мог сделать его принадлежащим лично ему человеком, относящимся к одной из двух лично-несвободных категорий людей в Ся — *пхинга* (лично-несвободный мужчина) или *нини* (лично-несвободная женщина). Если после этого родственники пленника, «желая соединиться с ним», покорялись «государству Ми» (тангутов), то пленный получал свободу и право жить в Ся вместе со своими близкими, а пленившему его ранее человеку в соответствии с законом выплачивалась от казны стоимость пленного [4, VII, инв. № 161, с. 8б—9а].

Тангут не имел права продавать и покупать пленного чужеземца без разрешения властей: «Любому человеку запрещается покупать человека-чужеземца. Когда же окажется, что есть продавец такого человека, то на покупку следует спросить разрешение у чиновника военно-полицейского управления, пограничного эмиссара,

командующего войсками или его заместителя, и если [данные должностные лица] позволят купить [чужеземца], то [его] можно купить. Когда же кто-то купит чужеземца, не испросив на то разрешения у должностного лица, то [виновному] два года [каторжных работ]» [4, XX, инв. № 202, с. 76—8а].

Добровольно подчинившиеся тангутам чужеземцы в случае совершения ими преступления, за исключением тяжких преступлений, наказуемых смертной казнью, могли получить смягчение наказания. Иноземцу, который подчинился Ся и прожил там «пять лет, считая со дня прибытия, за преступление, совершенное в первый раз, мера наказания уменьшается на две степени, а за преступление, совершенное вторично, — на одну степень. От наказания палками [таковые] освобождаются полностью. . . Если [подчинившиеся нам чужеземцы] живут [в нашей стране] менее пяти лет или же совершили преступление в третий раз и более, то по отношению к [такovým] меры по облегчению наказания не применяются и приговор [им] выносится по закону» [4, XX, инв. № 202, с. 3а—3б].

Население Ся не имело права торговать с прибывшими из-за границы послами. Это объяснялось тем, что внешняя торговля была монополией казны, действовавшей от имени государя. Даже в случае уплаты торговой пошлины тот, кто торговал с иноземцами самовольно, карался двумя годами каторжных работ [4, XI, инв. № 178, с. 24а]. Императорским указом запрещалось продавать за пределы Ся «людей, коней, доспехи для воинов и коней, коров, верблюдов и другое имущество», а также монету [4, VII, инв. № 161, с. 22а]. «Если высочайше запрещенная торговая сделка была заключена с послами или купцами, прибывшими из другого государства, то в тех случаях, когда в числе тех, с кем [была заключена эта сделка], будут послы или купцы из государств Даши (арабы, Иран и Средняя Азия) и Сичжоу (Турфан, Восточный Туркестан), а высочайше запрещенная сделка будет уже совершена и проданный товар переправлен в [чужеземные пределы], то приговор [виновным] выносится по закону о наказаниях за совершение высочайше запрещенных сделок в стране чужеземцев. . . Что же касается послов и купцов из государств Даши и Сичжоу, то, поскольку [они] являются гостями, [они] наказываются наложением на них штрафа, размеры которого законом не установлены, а та сумма, которую [они] дали за товар, должна быть возвращена [им]» [4, VII, инв. № 165, с. 22а—27а]. Вместе с тем в случае нужды купцы из Даши и Сичжоу с разрешения тангутских властей могли приобрести оружие для охраны каравана, а также фураж и продовольствие, но только в том количестве, которое им требовалось для благополучного возвращения домой [4, VII, инв. № 161, с. 22а—27а].

Тангутским послам, отправлявшимся за рубеж, тоже запрещалось «брать с собой слишком много людей и большой обоз» [4, XI, инв. № 178, с. 24б]. Кроме того, им запрещалось в неофициальной обстановке, не надев положенного по чину и должности платья, встречаться за границей с людьми, ходить к ним или звать их к себе в гости, пить с ними вино и распевать песни [4, XI, инв. № 178,

с. 25б—26а] — короче, вступать в эти и иные неофициальные контакты, которые могли повлечь за собой утечку информации из Ся. Тангутские послы могли просить для себя в чужой стране только необходимое: «еду, дрова, вино, фрукты, лекарства» [4, XI, инв. № 178, с. 26а—26б].

Иноземные послы содержались на территории Ся за счет казны: «Что касается посольств, прибывших из других государств, то военно-полицейское управление должно отдать приказ управляющим постоянных дворов выделить из государевых запасов зерна и казны продовольствие, фураж, коней и людей, передать [все это] посольству и обязать [людей] заботливо обслуживать [посольство]» [4, XIII, инв. № 219, с. 41а—41б]. Если послов ждали, они могли прямо явиться со своими делами по инстанции. Если же они прибыли неожиданно, то послы были обязаны заявить на границе местным властям о своем прибытии и ждать разрешения двигаться дальше. По территории Ся послов сопровождали тангутские чиновники. Часто один из таких чиновников получал пайцзу, что давало ему и посольству преимущества в пути в случае необходимости получения транспортных животных и продовольствия [4, XIII, инв. № 219, с. 41а—41б]. За ограбление чужеземного посла по закону полагалось наказание на одну степень большее, чем за ограбление соплеменника на ту же сумму [4, III, инв. № 169, с. 7б—8а].

Только при расследовании дел послов из Китая, киданьских, тибетских, из Сичжоу и Даши, по-видимому, допускалось нечто вроде состязательного процесса, ибо дела рассматривались «посредством диспута тяжущихся сторон» [4, IX, инв. № 168, с. 10б]. Существование этой формы расследования преступлений и суда остается для нас пока еще недостаточно ясным.

Тангутские купцы, выезжавшие за рубеж с государевыми и своими товарами, обязаны были прежде всего радеть о выгоде своего государя: «В том случае, когда купец отправляется в чужое государство и с ним вместе посылают разные государевы вещи, которые должны быть проданы, и составляются списки их, то количество [государева имущества] должно устанавливаться в момент отъезда купца и оформляться соответствующими документами. Когда купец прибывает в чужое государство, то [он] обязан государево имущество продавать отдельно. Вырученные за него деньги и полученные вещи должны быть действительно освидетельствованы лично главой посольства, [с которым ехал купец], и его помощниками, их внешнее описание и количество зафиксированы в документах, и на списке вещей поставлена государева печать, та, которая находится в ведении служб внутренних дворцовых покоев. Когда же купцы возвратятся и придут в „государство [народа] ми“ [-тангутов], то эти вещи и документы на них должны быть переданы должностным лицам и эти [документы] должны быть просмотрены, а внешнее состояние вещей и их количество проверены одновременно. Никому из купцов смешивать государевы и частные вещи, продавать государевы вещи отдельно, подменять добротные государевы вещи на плохие частные не разрешается. Если же закон будет нарушен и произведена

подмена [вещей] или же [вещи государя и частного лица] будут смешаны, то равно те и другие вещи, государевы и частные, должны быть сосчитаны и сопоставлены, а [виновному], не считаясь с его положением и рангом, два года [каторжных работ]» [4, XVIII, инв. № 5040, с. 236—24а].

Наконец, в одной из статей «Свода законов», правда в завуалированной форме, говорится о поставке тангутами верблюдов и коней чжурчжэням в качестве уплаты дани: «Что касается верблюдов и лошадей,готавливаемых ежегодно для передачи в другое государство, и пастухов, [сопровождающих их], то [такowymi] должны стать: пастухи — 80 семей из числа скотоводов, ранее приписанных к Северному двору, и 20 семей из числа скотоводов, приписанных к Восточному двору, а также верблюды и лошади, выделенные для передачи в другое государство на основании имевшихся ранее особых постановлений» [4, XIX, инв. № 20, с. 19а]². Статья составлена глухо, нечетко, с явной целью соблюсти внутри страны достоинство «государства [народа] ми», признававшего старшинство чжурчжэньской династии Цзинь, хотя, конечно, ни о какой фактической зависимости Ся от Цзинь не могло быть и речи.

Почерпнутые нами из «Измененного и заново утвержденного свода законов» сведения об иноплеменниках в Ся и отношениях тангутов с иноземцами немногочисленны, но любопытны. Мы имеем весьма интересный для средневековья пример юридического равноправия народностей в рамках одного государства — юридически, как мы видели, иноплеменники, да и то, возможно, из недавно покорившихся тангутам, были лишены только права охранять жилые покои или местопребывание государя, т. е. служить в его личной охране, — равноправия, даже не декларированного обязательным единством религиозных взглядов. Напомним, что через 50 лет после гибели Ся монгольская политика в том же регионе по тому же вопросу была совсем иной. Иначе решалась проблема и в современных Ся государствах киданей и чжурчжэней, где существовал ряд преимуществ для господствующей народности. У киданей, например, были одни законы для киданей, другие — для китайцев [7, с. 464—465]. Объяснить это можно несколькими причинами. Во-первых, тангуты ощущали себя стойким большинством в своей стране и не боялись, как кидане или чжурчжэни, а позднее монголы, быть поглощенными подчиненными им народами. Во-вторых, в отличие от киданей, чжурчжэней, монголов они создали свое государство не в процессе завоевания культурных регионов народом, вышедшим недавно из пеленок первобытнообщинного строя и еще не научившимся по-настоящему ценить культуру, сохранившим к ней независимое и даже презрительное отношение, а будучи народом, длительное время стабильно жившим на перепутье трех больших культур — китайской, тибетской и уйгурской, народом, привыкшим ценить культуру

---

² В данном случае Восточный и Северный дворы — одна из единиц в довольно пестрой местной администрации Ся. Находились в северо-восточных районах тангутского государства.

соседей и строившим в государственный период свою собственную культуру и на базе достижений соседних культур. Тангуты традиционно ценили в китайце чиновника, способного администратора-конфуцианца, в тибетце и уйгуре — ученого буддиста. И хотя и у них не было недостатка, по меткому выражению акад. В. М. Алексеева, «в квасном патриотизме», таковой никогда не принимал в духовной жизни тангутского общества, насколько мы знаем, форм отрицания чужой культуры вообще. Отсюда синкретизм, свойственный процессу становления тангутской культуры, наиболее отчетливо отмечаемый исследователями в буддийской живописи, и юридическое признание равноправия всех разноплеменных подданных тангутских императоров. Наконец, тангуты нуждались и в способных к службе, грамотных людях и охотно принимали таковых из-за рубежа, даже ценой предоставления кое-каких льгот. Подчинившиеся Ся чужеземцы служили как в гражданских управлениях, так и в армии.

И последнее. Для средневекового сознания понятие племенной принадлежности, выражаясь современным языком, «национальное самосознание индивида», было иным, чем в наши дни, хотя и неодинаковым для разных регионов. Для христианского мира часто важнее было быть христианином вообще или христианином определенного вероисповедания, чем итальянцем, французом и т. п. Религиозный момент стоял на первом месте и на Ближнем Востоке: и там все мусульмане прежде всего противостояли всему немусульманскому миру. Дальний Восток, в частности Китай, в масштабах средневековья тоже никогда не обходился без иноплеменников на службе той или иной династии, не считая иноплеменных, не китайских по происхождению династий, нередко правивших страной. Для Дальнего Востока на первом месте было не единство религиозных взглядов, хотя и здесь многие народы объединяло учение Будды, а принадлежность к тому культурному комплексу, в центре которого стояла китайская культура с ее конфуцианской идеологией — представлениями о необходимости хранить преданность тому государю, которому служишь. Каждый из трех регионов выдвинул и свой единый для всех язык — латынь, арабский, китайский письменный язык вэньянь, — который помогал выходить за рамки своего этноса.

Тангутская культура в целом, безусловно, тяготела к дальневосточному региону, хотя и несла в себе определенные черты кочевых скотоводческих культур, а потому и отражала многие взгляды, свойственные той эпохе и тому региону. Известно, что китайские правители сознательно проводили в жизнь линию на приобщение к их идеологии и культуре чужеземцев. Чужеземцы должны были «преобразоваться» (*хуа*), т. е. принять китайский костюм, церемониал, образ жизни и мышления, язык и в конечном итоге стать китайцами. Например, при Тан в Чаньани функционировала специальная школа для сыновей правителей и знати соседних стран. Постепенное окультуривание соседей с последующей их ассимиляцией всегда было частью великодержавной политики китайских правящих слоев. Принять покорившихся чужеземцев в надежде

постепенно «преобразовать» их и уподобить себе — вот доктрина, которая была воспринята и тангутским правящим домом. Чтобы чужеземцы покорялись, их надо было обласкать — отсюда и раздача должностей и рангов, и предоставление вышеупомянутых льгот в случае совершения чужеземцем преступления. Все эти представления нашли свое отражение в тангутском своде законов. Данный кодекс воспринял идеи дальневосточного права, в центре которых находилось право китайское, для тангутов в тех его нормах, которые сложились к эпохе Тан и за столетия правления династий Тан и Сун.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Кычанов Е. И. Свод военных законов тангутского государства «Яшмовое зеркало управления [лет царствования] Чжэнь-гуань» (1101—1113). — ППВ. 1969. М., 1972.
2. Кычанов Е. И. Тангуты и Запад. — «Страны и народы Востока». Вып. 10. М., 1971.
3. Кычанов Е. И. Что такое «Новые законы». — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока». VIII годичная научная сессия ЛО ИВАН (автоаннотации и краткие сообщения). М., 1972.
4. Измененный и заново утвержденный свод законов [девиза царствования] Небесное процветание [1149—1169]. — Тангутский фонд ЛО ИВАН СССР (на тангутском яз.).
5. Новые законы года свиньи [1212]. — Тангутский фонд ЛО ИВАН СССР (на тангутском яз.).
6. Рукопись без названия. — Тангутский фонд ЛО ИВАН СССР (на тангутском яз.).
7. Wittfogel K. A. and Feng Chia-shêng. History of Chinese Society Liao. — Transactions of the American Philosophical Society. N. S. Vol. 36. 1946. Philadelphia, 1949.